

Исламизм и политические институты Ближнего Востока

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития политических режимов Ближнего Востока в условиях эскалации нестабильности и роста исламизации политического процесса. Автор уделяет особое внимание институциональному измерению имеющихся режимов и пытается рассмотреть трансформационный опыт стран региона Ближнего Востока и Магриба через призму современных теорий демократизации и политической стабильности.

Ключевые слова: ислам, политический режим, Ближний Восток, политическая стабильность, демократизация.

Автор

Телин Кирилл Олегович,

кандидат политических наук, научный сотрудник кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Конфликты, раз за разом случающиеся с государствами Ближнего Востока на протяжении всей более чем полувековой истории их независимого существования, доказывают: регион по-прежнему стоит перед лицом значительного числа масштабных, пусть и не всегда очевидных вызовов. Одной из подобных проблем, вероятно, является сохранение внутри государственных систем архаичных линий социального разлома — этнической, религиозной, конфессиональной. Сирийские события, фактическое исчезновение Ирака с политической карты мира, ливанский кризис, ИГИЛ¹ —

накапливающееся напряжение всех этих (и многих других) угроз рано или поздно приведет либо к полной реконфигурации региона (с неизвестным уровнем управляемости и, соответственно, столь же неопределенным исходом), либо к осознанию того, что имеющиеся границы могут гарантировать только устойчивые и стабильные институты.

Режим ручного управления

Если ретроспективно оценить их развитие на протяжении последних десятилетий, ключевыми особенностями практически всех политических режимов Ближнего Востока окажутся их недемократический характер и откровенно слабые в сравнении с потенциалом кланового или какого-либо иного неформального влияния институты. По оценкам Фонда Бертельс-

¹ «Исламское государство» решением Верховного суда РФ от 29 декабря 2014 г. было признано террористической организацией, ее деятельность на территории России запрещена.

Исламизм и политические институты

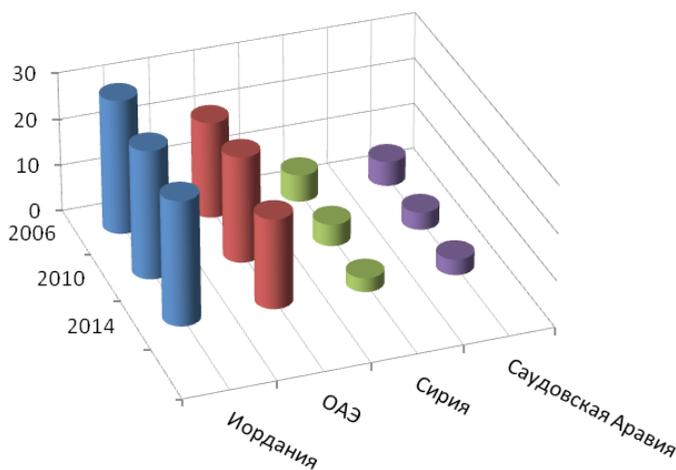
Ближнего Востока

манна, на 2014 г. в регионе Ближнего Востока и Северной Африки присутствовало только одно государство, успешно осуществившее демократическую трансформацию, — это Турция; все остальные, в лучшем случае, реализовали сценарий ограниченной трансформации (или анократии,

в терминах индекса Polity IV). Практически все ключевые страны региона показывали одинаково низкие показатели демократизации, политического участия и «государственности», понимаемой как институциональное измерение качества политического и административного управления.

Стабильность демократических институтов (согласно данным ВТИ)

	2006	2010	2014
Иордания	2,0	2,0	2,0
ОАЭ	2,0	2,5	2,0
Сирия	1,0	2,0	1,0
Саудовская Аравия	1,0	1,0	1,0
для сравнения: Турция	8,0	8,0	8,0

Право голоса и подотчетность (согласно данным WGI)

	2006	2010	2014
Иордания	28,8	27,5	26,6
ОАЭ	20,7	22,7	19,2
Сирия	5,8	4,7	3
Саудовская Аравия	5,3	3,8	3,4
для сравнения: Турция	44,7	44,5	37,9

Семь стран региона — монархии (в большинстве своем абсолютные). Сирийский президент Башар Асад получил власть фактически по наследству, возглавив алавитскую элиту в стране преимущественно суннитской, Ливан долгое время находился под политическим контролем Сирии, свергнутый иракский диктатор Саддам Хусейн, по сути, оказался у власти в ходе военного переворота, а уж о том, как обстоит дело в современном Ираке или Йемене, не приходится говорить. В Саудовской Аравии живут по законам шариата, лишь в этом году Эр-Рияд даровал женщинам страны избирательное право (и то лишь на муниципальном уровне). Исследователи отмечают низкий уровень политического участия в регионе, слабость электоральных систем и значительный крен власти в сторону авторитарного (или, как уже указывалось, анократического) правления. Да, в 1990 г. на волне глобальной демократизации усилилось проникновение на Ближний Восток новых политических стандартов, однако даже частичная модернизация была использована традиционными элитами для выстраивания неформальных (теневых) сделок и поддержания сложившихся патрон-клиентских отношений. Парламентаризм в странах региона был и остается, по преимуществу, символическим и достаточно условным: партия «Баас» до 2002 г. контролировала сирийскую преемственность, иорданской многопартийности лет немногим больше, чем наследнику короля Абдаллы, а в Бахрейне и Кувейте, до сих пор остающихся единственными членами ССАГПЗ с избираемыми парламентами, при этом запрещены политические партии. Таким образом, формулировки различных авторов, называющих региональные парламентские структуры «фасадными» или «незавершенными», представляются более чем уместными.

Однако и «арабская весна», и концовка 1980 г., и другие события неоднократно показывали, что эффективность ручного управления может наблюдаться лишь

в ситуации исключительно благоприятной внешней конъюнктуры, само формирование которой в регионе Ближнего Востока — колоссальная редкость. Дефицит общественной социализации, рост имущественного расслоения, расширение теневого сектора в экономике, вымывающего из официальной экономики столь необходимые для развития ресурсы, — все это лишь усиливало негативные последствия дискриминации различных групп населения и откровенного произвола в политической жизни. Неэффективное (в условиях фактического отсутствия стабильных институтов) государственное регулирование не могло справиться с внешними и случайными шоками: под воздействием того же глобального кризиса в странах Ближнего Востока резко сократились темпы прироста ВВП, выросла безработица, а механизмы государственных расходов, составлявшие в странах региона свыше трети ВВП, перестали быть сколь-либо эффективными.

Таким образом, ручное управление, в некоторых ситуациях позволяющее минимизировать потенциальные конфликты внутри политической системы и сформировать весьма своеобразный в нынешних условиях режим «личной унии», в долгосрочном измерении показывает поразительную неэффективность и неспособность формировать стабильные условия для государственного развития. Единственным основанием устойчивости подобных систем может являться, по замечанию К. Даудинг и Р. Кимбера, внешняя поддержка — и, как показывает пример бахрейнской династии Аль-Калифа, именно она может повторно легитимизировать режим даже в ситуации социальных волнений.

Краткосрочные обещания и долгосрочные заблуждения

Долгое время считалось, что традиционной для Ближнего Востока угрозе — радикальному исламу — может противостоять

Исламизм и политические институты Ближнего Востока

лишь локальный авторитаризм, достаточно сильный, чтобы подавлять в зародыше потенциальные «ИГИЛ». Однако подобные представления были подвергнуты серьезной ревизии ввиду, как минимум, двух обстоятельств: во-первых, по прошествии нескольких десятилетий выгода от поддержки авторитарных режимов Каддафи или Мубарака начала подвергаться сомнению, и, во-вторых, автократии пусть и смогли смягчить проявления внутренних конфликтов управляемых обществ, но оказались не в состоянии обеспечить их полное преодоление и решение. Впрочем, логика, в соответствии с которой демократизация региона непременно обеспечит переход нестабильных государств к исламистским режимам, по-прежнему является достаточно популярной, а недостатки авторитарного подавления подобного тренда порой обосновываются лишь через персональное обсуждение правления того или иного «национального лидера». Это до сих пор скрывает третий фактор, продолжающий влиять на ближневосточный политический процесс, — именно авторитарные режимы, основанные на подавлении и действии санкционного аппарата, сформировали современную взрывоопасную ситуацию. Краткосрочная «стабилизация» обернулась масштабной эскалацией общественного кризиса, пример действия которого можно было в полной мере наблюдать в Египте.

Бесспорно, популярность религиозных движений («Братья-мусульмане»¹, традиционалисты-салафиты и пр.) в странах региона заставляет воспринимать исламизацию как серьезный риск, однако пример таких государств, как Турция, Марокко, Ливан или Иордания (при всех различиях в их историческом пути), подсказывает, что абсолютизировать исламистскую угрозу и выводить из нее некое «общее прави-

ло» нельзя. Меж тем именно это как раз и было основанием для закрепления в регионе автократий, большинство из которых лишь увеличивало ряды неофициальных сторонников и симпатизантов религиозных сил, выступавших с популистскими лозунгами и даже подчеркивавших свою «демократическую» природу именно в противовес жесткой репрессивной политике государственных режимов Сирии или Египта. Не институционализированные по причине авторитарного правления режимы начали разрушаться под воздействием социально-экономических факторов, а кризис легитимности инкубентов вручил карт-бланш разрозненным несистемным челленджерам, среди которых исламисты составляли значительную долю.

Иными словами, в ряде государств Ближнего Востока были созданы достаточно жесткие и репрессивные автократии, которые, вместе с тем, оказались крайне уязвимыми и «слабыми» с точки зрения государственного строительства. Вполне логично, что подобные системы подтверждают гипотезу Роберта Каплана: при отсутствии сильных институтов демократизация в них вполне может привести к всплеску социальной розни и насилия. Без необходимого нормативного порядка, законности и правовых гарантий демократический транзит только ухудшает состояние экономики, а следовательно, негативно влияет и на политическую динамику.

С этой точки зрения довольно странно выглядят предложения разделить «хрупкие» (fragile), или «мягкие» (soft) государства Ближнего Востока на этнические или религиозные фрагменты, каждому из которых должна быть предоставлена если не независимость, то широкая автономия в пределах федеративной структуры. Во-первых, достаточно взглянуть на этническую или конфессиональную карту региона, чтобы убедиться, насколько проблематично провести там внятную демаркацию и вообще проведение каких-либо новых государственных границ. Курды, друзы, езиды, алавиты — как должно вы-

¹ Организация «Братья-мусульмане» решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ.

глядеть удовлетворение требований всех этих сторон в одной только части сложного и разношерстного региона? Во-вторых же, любая трансформация имеющихся территориальных очертаний и, тем более, обособление отдельных групп (будь то курды или иракские шииты) приведет к резкому всплеску сепаратизма и ирредентизма в относительно стабильных, на сегодняшний день, странах — таких, к примеру, как Иордания или Турция. Следовательно, регион станет не более, а менее стабильным — при этом не стоит забывать и о том, какие политические режимы могут укорениться в предполагаемых государствах; исламизм редко испытывает пиетет перед государственными границами и какими-нибудь правами наций на самоопределение.

Может ли демократический режим не сопровождаться исламизацией и при этом стабилизировать многосоставные общества Ближнего Востока? В силу сослагательного наклонения дать на этот вопрос однозначный положительный ответ сложно, однако марокканская многопартийность, конфессиональный консоционализм Ливана и устойчивость турецких институтов как минимум не позволяют сделать противоположный вывод. Управляемая трансформация политических систем от авторитарных образцов к демократическим представляется вполне возможной, особенно в том случае, если готовность к такому сценарию (возможно, под влиянием внешних факторов) выражает политическая элита.

Еще до событий «арабской весны» власти Иордании, к примеру, удвоили женскую квоту в парламенте (до 12 мест), а еще дюжину мандатов распределили среди представителей этнорелигиозных меньшинств (христиане, черкесы); после волнений в регионе Абдалла II произвел дополнительные изменения — в 2013 г. парламент получил давно обсуждавшееся право назначать премьер-министра. По оценкам Всемирного Банка (методология WGI), Иордания демонстрирует достаточно высокий уровень эффективности правительства и поддержания правопорядка,

несмотря на все проблемы с палестинской общиной и Фронтом исламского действия.

Несмотря на все проблемы современного Ливана, в нем также были апробированы идеи, которые противостоят риторике «железного закона исламизации»: действующая конституция была принята еще в 1926 г., основные идеи консоционального «конфессионализма» (Национальный пакт) были разработаны в 1943, а политическая борьба в стране происходит не только в латентном секторе, но и в публичном пространстве между влиятельными «мартовскими» коалициями (просирийская «коалиция 8 марта» и антисирийская «коалиция 14 марта»). Бесспорный негативный эффект на политическую систему Ливана оказывают сирийский кризис и события «арабской весны», обостряющие традиционные для региона противоречия, — однако институты Ливана пережили серию гражданских войн и по-прежнему продолжают поддерживать государство в условиях исключительно неблагоприятной внешнеполитической обстановки: ситуация крайне нетипичная для Ближнего Востока.

Несмотря на то, что турецкий пример может показаться далеким от реалий современного Ближнего Востока из-за сниженной роли ислама в политической жизни страны, это не должно вводить в заблуждение — в период президентства в Египте Хосни Мубарака исламский фундаментализм подавлялся пусть и не так интенсивно, как в Турецкой республике при Мустафе Кемале, но все же значительно, и все равно поднял голову спустя несколько десятилетий. В остальном же парламентаризм и другие турецкие институты (включая Конституцию 1982 г.), несмотря на череду переворотов, демонстрировали значительную устойчивость: партийные структуры восстанавливались даже после официального запрета, а армия, не трансформируясь в хунту, выступала гарантом светского характера турецкого государства. Сегодня до 98 % населения страны являются мусульманами, при этом Партия

Исламизм и политические институты Ближнего Востока

справедливости и развития, ставшая реинкарнацией запрещенной Партии благоденствия, вынуждена обращаться к центристской риторике и сталкиваться с достаточно высоким (10 %) избирательным барьером; при этом достаточно серьезные результаты на выборах показывают оппозиционные Народно-республиканская партия (25 % на выборах в июне 2015) и Партия демократии народов (13,1 %).

Марокканский опыт тоже достаточно показателен: в противовес революционным брожениям Египта и Туниса местные исламисты, постепенно набравшие политический вес (13 % голосов на выборах 2002 г. и 23 % на выборах 2011 г.), выступили скорее с реформистских, нежели радикальных позиций. Как указывает Мохаммед Масбах, лозунгом марокканской Партии справедливости и развития фактически стала фраза: «Участие, а не гегемония»; следствием этого стали широко распространенные коалиционные практики, непартийные назначения в правительстве и достаточно гибкая система взаимодействия с гражданским обществом.

Иными словами, демократизация совсем не обязательно способствует эскалации кризисных социальных явлений: и парламентско-республиканская траектория Турции, и конституционно-монархические сценарии алавитов и Хашимитов показывают, что в регионе возможны новые институциональные решения. Вероятно, соглашение по Сирии, достигнутое в конце октября участниками рабочих совещаний в Вене, также может быть аргументом в пользу управляемой трансформации: речь не идет о полноценном военном вмешательстве и полном демонтаже сложившейся ранее системы, а о внешнем мандате на урегулирование имеющегося кризиса. Несомненно, сегодня любые политические реформы (именно реформы, а не революция или слом status quo) в регионе невозможны без внешней поддержки и внешней же легитимации. Тем не менее, это условие должно дополняться и внутренними факторами — подготовленной

бюрократической прослойкой, армейскими структурами, парламентаризмом и, конечно, культурными механизмами, позволяющими, не угнетая приверженцев ислама, препятствовать доминированию в политике религиозного фактора.

Институциональная ловушка: сети против структур

В вопросе институциональной поддержки относительно новой государственности в регионе Ближнего Востока и Магриба есть тонкий момент: по мнению некоторых исследователей, роль скрепляющих институтов могут и должны сыграть как раз исламские сетевые структуры. По сути, именно на этом базируется идеология таких движений, как «Братья-мусульмане», «Хезболла» или «Джамаат-и-Ислами», не говоря об ИГИЛ¹; и именно поэтому стремление дать зеленый свет «политическому исламу» является не менее опасным, чем уверенность в том, что противостоять ему может только авторитарный лидер.

В современной своей версии «политический ислам» давно уже не является социально прогрессивным феноменом, каким он, по всей видимости, мог являться на заре своего формирования посреди кланово-племенных отношений средневекового Ближнего Востока. «Нахда» («возрождение»), как называют нынешний ренессанс исламизма некоторые его адепты, базируется, по сути, на масштабной социальной депривации, шоках новой информационной среды, демографических проблемах и экономическом кризисе; не зря события «арабской весны», вызванные преимущественно именно этими факторами, описываются сторонниками «нахды» как становление нового типа социального самосознания. Бесспорно, исламские объединения, группы и сети являются вполне дееспособными и мощными институтами; однако их задачи представляются консер-

¹ Большинство подобных организаций в России запрещены и признаны террористическими.

вативно-архаичными, фундаменталистскими и способствующими масштабному регрессу ближневосточных обществ. Увы, но «политический ислам», сражающийся сегодня за демократический режим, — это оксюморон, поскольку для него существует лишь демократия исламизма.

Вместе с тем, это не означает, что ислам и мусульманские группы должны каким-то образом преследоваться и подавляться. Задача состоит в том, чтобы в соответствии с установками лаицизма и кемализма создать такое положение, при котором мусульманам не нужно будет отдельное политическое представительство, основанное на причудливой религиозной сепарации. В следовании подобному республиканскому идеалу (с концепцией «разделения сфер идентичности») видится вполне приемлемый выход: исламские традиции в области семьи, частной жизни и пр. будут, несомненно, сохранены, однако выход подобной традиционной идентичности

в электоральную плоскость будет заблокирован. Причем не столько нормативными ограничениями (хотя они и должны иметь место), но, в большей степени, значительной степенью свободы в отправлении религиозного культа.

Резюмируя, можно констатировать, что при внедрении в политическое пространство современные исламские структуры хоть и будут представлять собой эффективно функционирующий институт, но при этом целевая нагрузка института будет представлять собой откровенную архаизацию политического участия. Закрепление же в электоральном пространстве традиционной идентичности, в свою очередь, не позволит модернизировать общества, находящиеся сегодня в постоянно кризисном состоянии. Вероятно, подобная «заморозка» навсегда превратит регион Ближнего Востока и Магриба в «пороховой погреб»; последним же исторически свойственно громко и драматично взрываться.

Литература

1. *Тэйлор Ч.* Демократическое исключение (и «лекарство» от него?) // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. — М., 2002. — С. 11–37.
2. *Масбах М.* Как Марокко удалось приручить исламистов // Центр Карнеги, 12.04.2015 URL: <http://carnegie.ru/publications/?fa=59750>.
3. *Dowding K., Kimber R.* The Meaning and Use of «Political Stability» // European Journal of Political Research. — Vol. 11. — Issue 3–1983
4. *Kaplan R. D.* The Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post Cold War — New York: Random House, 2000.
5. *Полтерович В. М., Попов В. В.* Демократия, качество институтов и экономический рост // Прогнозис. — 2006. — Т. 7. — № 3. — С. 115–132.